

Наталья Жилина
(Калининград)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОЭМЕ А. ВЕЛЬТМАНА «МУРОМСКИЕ ЛЕСА»

Обращаясь к произведению известного в XIX веке русского писателя, демонстрируется, как воплощается тема разбойничества, введенная в отечественную литературу Пушкиным и ставшая одной из центральных в русском романтизме. Показывается, что А. Вельтмана, как и других русских поэтов, интересуют не социальные причины этого явления, а нравственно-психологические. Делается вывод: разбойничество в поэме показывается как страшный грех, оправдания которому не существует, оно обрекает человека на отступление от нравственного закона и в итоге приводит к духовной гибели.

Ключевые слова: А. Вельтман, разбойники, грех, нравственный закон, совесть, свобода.

В многообразном и разностороннем творческом наследии Александра Вельтмана поэма «Муромские леса» (1831) занимает особое место: в ней (в отличие от других его произведений) находит воплощение тема разбойничества, ставшая одной из центральных в русской романтической литературе. После публикации пушкинской поэмы «Братья разбойники» (1825), с которой эта тема, как заметил В. М. Жирмунский, вошла «в поэзию высокого стиля и, в частности, в русскую байроническую поэму» [5, с. 284], в отечественной литературе в большом количестве появились «разбойнические» сюжеты, которые приобрели среди читателей немалую популярность. Нужно заметить, что в отличие от западноевропейского романтиче-

ского искусства, в котором к этому времени утвердился образ благородного разбойника, защитника слабых и обездоленных, в пушкинской поэме разбойничье сообщество представлено как жизненное явление, имеющее в основе греховное начало человеческой души. Пушкин показывает, как стремление к свободе без каких-либо внешних ограничений, привлекшее в разбойничью шайку очень разных людей, оборачивается этической вседозволенностью, полным отрицанием всех нравственных принципов. Повествователь отмечает самое главное, что связывает здесь всех: «Опасность, кровь, разврат, обман — // Суть узы страшного семейства» [10, с. 167]. В обобщенном «психологическом портрете» разбойников дается изображение того, на что способны члены «страшного семейства» — объектом их нападений становятся самые слабые, беспомощные и беззащитные:

Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства;
Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,
Кому смешно детей стенанье,
Кто не прощает, не щадит,
Кого убийство веселит,
Как юношу любви свиданье [10, с. 167].

В той прямолинейности и одноплановости, с которой рисуется собирательный портрет пушкинских персонажей, проявляется со всей определенностью нравственно-этическая позиция повествователя, в сознании которого абсолютно безусловна четкая граница между сторонами добра и зла. Вся «деятельность» разбойников однозначно определяется им как *злодейство*, а сами они как *преступники*: «И сны зловещие летают // Над их преступной головой» [10, с. 168]. Читатель ясно видит, что не социальный протест лежит в основе поведения пушкинских «удалых», не стремление восстановить справедливость и покарать общественное зло, а совершенно иные причины, среди которых и аномалия чисто психического свойства — у тех, «кого *убийство веселит*». Так происходит разрушение традиционного образа благородного разбойника, привычного для мировой литературы и фольклора. В текстах пушкинских последователей влияние великого поэта явственно ощутимо как в образе разбойничьего сообщества, так и в авторской позиции, которая обладает сходством в произведениях самых различных писателей.

В поэме А. Вельтмана «Муромские леса», которую отличает сложный и довольно разветвленный сюжет, действие перенесено в далекое прошлое — Русь XI века, однако в центре внимания автора оказываются прежде всего психологические основы разбойничества как феномена русской жизни. В системе персонажей произведения ярко выделяется контрастная пара: благородный герой Лельстан и его антагонист — жестокий и коварный «жених-разбойник», атаман шайки. Главный герой появляется в пещере разбойников, совершив побег из тюремной камеры вместе с двумя другими заключенными, которые привели его с собой в лес. По требованию членов шайки он рассказывает им свою историю, которая становится для читателя развернутой экспозицией героя.

Отец Лельстана, оставшегося после смерти матери и братьев единственной его отрадой, имел близкого друга Громвольда, с которым они уговорились породниться через детей, соединив брачными узами Лельстана и младшую дочь Громвольда Мильду. Дети вместе росли и, повзрослев, полюбили друг друга. Лельстан с отцом отправились в путешествие, а возвратившись, узнали, что Мильда просватана отцом за другого, богатого жениха. Услышав под окном дома веселые крики и поняв, что это поздравляют обрученных, герой в отчаянии схватил со стены нож и выбежал из комнаты, собираясь на глазах у возлюбленной покончить с собой, но в это время увидел своего соперника, пытающегося насильно поцеловать Мильду. Не помня себя, Лельстан трижды вонзил в него нож и сам потерял сознание. Придя в себя уже в тюремной камере, он в полумраке различил двух человек, копающих, как ему показалось, могилу и спускающихся в нее. Они позвали его с собой, и он последовал за ними. Как выяснилось, это был подземный ход, который вывел всех троих на волю. Вместе с новыми товарищами Лельстан попал в пещеру и оказался среди разбойников. Там Лельстан неожиданно встретил пропавшую сестру Мильды Сияну, которую, как оказалось, атаман некоторое время назад обманом похитил из родного дома. Она сообщила, что разбойники готовят покушение на ее отца, и попросила помощи. Лельстан организует побег, но у самого выхода из пещеры они встречают атамана, оказавшегося тем самым женихом Мильды, которого считал собственноручно убитым Лельстан. Между противниками происходит бой, в котором главный герой одерживает победу. Хитростью выведя всю шайку из пещеры, Лельстан передает разбойников в руки правосудия. Поэма заканчивается венчанием главного героя и его возлюбленной.

Необходимо отметить, что на протяжении всего повествования авторская позиция в этой поэме остается предельно объективной: читатель нигде не увидит прямой и открытой оценки автора, которому драматическая форма позволяет в максимальной степени самоустраниться. Персонажи характеризуют друг друга или рассказывают о себе сами, причем их исповеди всегда сюжетно мотивированы, а поступки получают психологическое объяснение. В поэме А. Вельтмана преступное сообщество показывается как очень разноликое и психологически неоднородное, однако и здесь выделяются душевные качества, общие для всех. Так, приветствуя нового члена шайки, один из разбойников признается:

Живем мы семейкой, и тот нам родной,
С бессовестной кто уродился душой,
Кому разбивать, убивать не бесчестно! [1, с. 9].

После обобщенного «портрета» персонажей, нарисованного автором в экспозиции поэмы («Изрезали страсти их рдяные лица; // Их очи блестят под навесом бровей...» [1, с. 2]), дается текст песни, воплощающий их жизненное кредо:

1

Лей, лей! Заливай-други, пенным вином
Пламень негаснущей жажды!
Пей, пей! Выпивай-други! Чашу вверх дном!
Жить нам на свете не дважды!

2

Уж ночь наступила, собирайтесь скорей!
За пояс граненый — непромах!
Встречай нас с женою, незваных гостей,
Боярин, в высоких хоромах!

3

Не пир пировать к тебе в дом мы идем;
Не с дружкой, не с свахой, не с сватом!
Встречай не вином, а на блюде златом,
Встречай серебром нас и златом!

4

Мы в гости пришли не считаться с тобой;
На честное слово мы верим!
Показывай все, что ни есть за душой,
Потом покажи нам свой терем! [1, с. 3—4].

Немалое внимание уделяется в поэме внутреннему миру разбойников, самой психологии преступников. Традиционно звучит история одного из членов шайки, попавшего в нее из-за тяжелых жизненных обстоятельств: нищета отца перешла по наследству к сыну:

Я по миру долго ходил Христа славил;
Но люди бранили и гнали меня.
Больной, весь в лохмотьях, как черт я был страшен.
Однажды без чувств пролежал я три дня,
Очнулся... и вижу себя между башен
И стен преогромных... Мне подали есть;
Я пищу схватил и не спрашивал, где я.
Так свел я знакомство... [1, с. 50–51].

Однако Вельтману важно показать, что существуют и люди, в натуре которых изначально заложены преступные задатки; один из таких персонажей открыто признается своим братьям:

Я здесь по охоте! — и хлеба, и поля
Отец мне оставил довольно! [1, с. 50].

Чрезвычайно значимым является в сюжете поэмы мотив *злой мучительницы-совести*, которая не дает спокойно жить, терзая преступников. Это проявляется уже в ситуации, послужившей завязкой действия: один из разбойников предлагает Лельстану, только что появившемуся в пещере:

Поведай-ка нам любопытную повесть:
Как пожил с людьми, друг, ты в жизни своей,
За что отчудился от добрых людей,
И как отогнал ты змею, злую совесть? [1, с. 10].

Другой разбойник — Полян, — убежавший вместе с Лельстаном из тюрьмы, признается, что уже долгое время не может спать: его душу терзает страшное злодеяние, совершенное над одним из князей.

Полян

Сон — смерть!.. век не спать, брат, по мне бы!
С тех пор, как за князя Давида на хлебы
Попал я в тюрьму — я во сне как в огне
И совесть изгрызла всю душу во мне!

Т е м р ю к

Она переест тебе скоро и шею!
И что тогда будет с твоей головой? —

П о л я н

О! голову я приклонить уж не смею
На сон и на отдых! Всегда предо мной
Стоит князь теребовльский! Не вижу той ночи,
Чтоб мне не приснилось, как он ухватил
За горло меня!.. как лишенного сил,
Доской придавил я, и выколол очи!
И брызгами слезы и кровь из очей!.. [1, с. 24–25].

В основе этого своеобразного вставного фрагмента лежит эпизод, описанный в летописном рассказе, включенном в известный древнерусский источник «Повесть временных лет»: ослепление теребовльского князя Василько Ростиславича, ставшего жертвой зависти и злобы своих собратьев [8, с. 199–201]. Разбойника мучает воспоминание о совершенном им злодействе, но поражает и душевная кротость и настоящее христианское смирение страдальца:

Но муки он снес и, прощая обиду,
Просил только вымолвить князю Давиду:
Пусть кровию он не восплачет моей! [1, с. 25].

Все действующие лица поэмы оказываются рассмотренными через этическую призму, важнейшим проявлением которой выступает сюжетная оппозиция *бедность / богатство*. Одной из основных оказывается в произведении мысль о том, что именно богатство, с чьей помощью достигается и власть, — это тот величайший соблазн, который толкает людей на преступления. Рассказывая о своем отце, Лельстан подчеркивает: «Отец мой был беден, но чувством богат // И твердой своей и прекрасной душою» [1, с. 12]. В то же время, говоря о Громвольде, он с горечью констатирует: «...в несколько лет, // Богатство и почесть его изменили» [1, с. 12]. Таким образом, становится понятна система ценностей, определяющая поведение самого героя. Душевно чистый, он не способен к низким поступкам, к отступлению от нравственных норм: мысль о том, что под действием страсти он стал убийцей, доставляет ему глубокие страдания: «Как огненный демон меня обхватил!» [1, с. 19] — с болью признается юноша. Важное место занимает в

сюжете эпизод охоты, пробыв на которой семь дней Лельстан не подстрелил ни одного зверя. В последний день он услышал над собою шум крыльев и, подняв голову, увидел:

Как снег, белый голубь порхал надо мною,
А сокол над жертвой кружился, свистел... [1, с. 17].

Поразив сокола стрелой из своего лука, герой видит, что «избавленный голубь, как дух благовестный, // Спустился» [1, с. 17] — и прямо к нему на плечо. Так через христианскую символику выявляется авторское отношение к герою, чьи высокие человеческие качества определяются постоянством его жизненной позиции.

Прямым антагонистом Лельстана является атаман разбойников — бывший монах, а теперь расстрига, готовый на любое преступление против Бога и людей. Коварство и жестокость сочетаются в его душе с безграничным своеволием: обманом и хитростью, подкупом и лестью, а иногда и просто силой увозит он приглянувшихся ему девушек в лесную пещеру, где они рано или поздно погибают.

Несмотря на сохраняющуюся в изображении авторскую объективность, все персонажи этой поэмы как бы разделены между собой невидимой чертой: с одной стороны остаются те, кто признает над собою нравственный закон, с другой — те, для кого неразличима граница между добром и злом, кто поставил себя выше нравственного закона и отверг понятие греха.

В этимологическом словаре русского языка слово *грех* определяется как общеславянское, образованное от глагола *греть*, при этом семантика слова *грех* связывается с первоначальным значением «жжение (совести)» [11, с. 456]. Словом *грех* в Новом Завете, как правило, переводится греческое слово *амартия*, которое в буквальном переводе означает *уклонение от цели* [6, с. 38]. Поскольку в христианском понимании целью человеческой жизни служит соединение с Богом, то все, что этому препятствует, является *грехом*. Таким образом, *грех* всегда подразумевает сознательное или невольное нарушение данного Богом нравственного закона. Именно такое толкование, свойственное русскому сознанию в XIX веке, дается в словаре В.И. Даля: «Грех — поступок противный закону Божию, вина перед Господом» [3, т. 1, с. 370].

Анализируя понятие границы между внутренним и внешним — в мировосприятии человека — пространством, Ю.М. Лотман писал: «Если внутренний мир воспроизводит космос, то по ту сторону его

границы располагается хаос, антимир, внеструктурное иконическое пространство, обитаемое чудовищами, inferнальными силами или людьми, которые с ними связаны. За чертой поселения должны жить в деревне — колдун, мельник и (иногда) кузнец, в средневековом городе — палач. "Нормальное" пространство имеет не только географические, но и временные границы. За его чертой находится ночное время... В антипространстве живет разбойник: его дом — лес (антидом), его солнце — луна ("воровское солнышко", по русской поговорке), он говорит на анти-языке, осуществляет анти-поведение (громко свистит, непристойно ругается), он спит, когда люди работают, и грабит, когда люди спят, и т. д.» [7, с. 189]. *Границей* между пространством и антипространством, миром и антимиром, космосом и хаосом является в сознании человека *нравственный закон*, по библейским представлениям заложенный в него в момент создания и реализуемый в душе через *совесть*.

Рассматривая мировоззренческие особенности античных, ветхозаветных и христианских представлений о нравственности, современный ученый-психолог указывает в своем исследовании на то, что «во всех феноменологических описаниях совесть рассматривается как внутреннее нравственное ядро личности» [2, с. 146]. Но только «в христианских религиозных концепциях совести онтологический вопрос решен однозначно: в совести человеку непосредственно дан Божественный нравственный закон, это закон всеобщий». И только здесь «дается указание на то, какое влияние грех оказывает на ум и совесть. Он оскверняет их, уродует, извращает совесть, делает ее злой, лукавой» [2, с. 143]. Определенно и точно указывается на это и в святоотеческой литературе: «Когда Бог сотворил человека, то Он всеял в него нечто Божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет, и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое, — сие называется совестью, а она есть естественный закон», — писал св. авва Дорофей [4, с. 196]. Таким образом, христианская философия исходит из того, что человеку непосредственно дан Божественный нравственный закон, который и призвана контролировать совесть. Осознание преступности своих поступков и есть то действие, которое производит в сердце человека совесть, пробуждающая в душе страх не столько юридического наказания, сколько Божьего гнева. Об этом же пишет и В. С. Непомнящий: «Величайшим открытием христианства как учения о свободе человека было открытие феномена совести. Ранее это свойство, присущее человеку, не было осмыслено: то жгучее чувство, что терзает нас в определенных слу-

чаях, древние греки понимали как боязнь позора и беславия; Сократ первым сказал, что в человеке есть некий дух, подсказывающий ему, что должно и что не должно. Христианство осмыслило со-весть как безотчетное, но общее всем людям *со-знание, со-ведение* о существовании Высшей Правды, как проявление знания человека о его богосыновстве, как память о его грехопадении — память, предостерегающую каждого человека от *повторения* и укоряющую за него. Говоря иначе, совесть была осмыслена как *принадлежность человеческой свободы*, орудие никем и ничем извне не принуждаемого *выбора*» [9, с. 32].

Согласно словарю Даля, где это понятие определяется в точном соответствии с христианскими представлениями, «совесть — нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка, чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития». В качестве одного из примеров Даль приводит поговорку «Добрая совесть — глаз Божий (глас Божий)» [3, т. 4, с. 256 — 257].

Анализ поэмы А. Вельтмана дает все основания утверждать, что в ней сохраняется призма, установленная Пушкиным: разбойничество (даже как противодействие человека социальному злу и несправедливости) показывается как страшный грех, оправдания которому не существует, оно обрекает человека на отступление от нравственного закона и в итоге приводит к духовной гибели. Авторская позиция, отчетливо проявляющаяся в изображении разбойничества, становится доказательством того, что А. Вельтмана, как и других русских поэтов, интересуют прежде всего не социальные причины этого явления (они лежат на поверхности), а нравственно-психологические. Весь художественный строй поэмы, все ее сюжетное развитие подводит к определенному итогу: стремление обрести полную свободу от любых этических норм вводит человека в рабство ко греху, что является свидетельством о непреложности христианской истины: «свобода там, где Дух Господень» (2 Кор. 3: 17).

Список литературы

1. Вельтман А. А. Муромские леса. М., 1831.
2. Веселова Е. К. Психологическая деонтология: мировоззрение и нравственность личности. СПб., 2002.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955.

4. *Добротолубие*, избранное для мирян. М., 2002.
5. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978.
6. *Ключевые понятия Библии в тексте Нового Завета* : словарь-справочник. СПб., 1996.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.
8. *Повесть временных лет* // Древнерусская литература. М., 2001.
9. *Непомнящий В. С.* Введение в художественный мир Пушкина: лекция учителю и ученику // Непомнящий В. С. Пушкин : избр. раб. 1960–1990-х гг. М., 2001. Т. 2.
10. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1958. Т. 4.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 2007. Т. 1.

Natalia Zhilina

THE AXIOLOGICAL DISCOURSE IN A. VELTMAN'S POEM THE WOODS OF MUROM

Based on the work of a famous 19th century Russian author, this article focuses on the development of the theme of robbers' life, which was introduced by Pushkin and became central to Russian Romanticism. An analysis of the poem in the axiological aspect shows that A. Veltman – as well as other Russian poets – is interested in the moral and psychological reasons behind this phenomenon rather than social ones. The plot structure and the author's position suggest that robbery is depicted in the poem as a cardinal sin that cannot be justified; it forces a person to abandon the moral law and leads to spiritual death.

Key words: *A. Veltman, robbers, sin, moral law, conscience, freedom.*

**ЛАБИРИНТЫ
ИСТОРИИ**

Анализ имеющихся данных позволяет выделить две важные функции янтаря в жизни западных балтов доорденской поры. Он являлся продуктом межэтнической торговли и объектом обработки, одновременно представляя собой важный (если не определяющий) фактор в развитии материальной культуры эстиев и пруссов. Иными словами, торговля янтарем, внешне приводившая к его отсутствию в материальной культуре коренных обитателей Янтарного берега, тем не менее оставляет заметный след во многих сторонах их жизни.

В. Кулаков

Фанатично боясь инокультурных заимствований, отвергая христианство и основанную на нем цивилизацию, Криве-Кривайтисы осудили себя и свой народ на отсталость, а упорствуя в этом, и на уничтожение. Относясь безучастно к будущему и беззаботно к настоящему, они не были готовы для блага и стабильности государства идти на уступки как в политике, так и в идеологии. Итог этой сверхригористичности – практически бесследное исчезновение идеология Криве-Кривайтисов у народов Балтии.

В. Шахов

...из 197 [господских] домов после войны полностью разрушенными оказались 150. Как это происходило, хорошо показывает усадьба Земен (Солдатово, Правдинский район). Это было родовое имение баронов Врангель. В первое послевоенное время оно использовалось как административное здание, затем было заброшено. В 1991 году было решено его отремонтировать. Но когда колхозы рухнули, это здание – уже после ремонта – было полностью разобрано на кирпич, и неподалеку из этого кирпича построен частный жилой дом.

А. Бахтин